

УДК 141

М.К. ПЕТРОВ: ИСТОРИЯ, КУЛЬТУРА, НАУКА В ФАРВАТЕРЕ 1966 И 1971 ГГ.

А.Н. ЕРЫГИН

В статье рассматривается творческий путь М.К. Петрова.

*Южный федеральный
университет*

Ключевые слова: М.К. Петров, философия, наука, культура.

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru

Творческий путь ученого и философа М.К. Петрова (1923-1987) можно представлять по-разному. Но, несомненно, что особыми вехами на этом пути были 1966 и 1971 годы: 1) время «миграционной» идеи и «сумасшедшей» пиратской гипотезы и 2) принципиальный поворот к системным исследованиям исторического развития культуры и науки (в ее не только теоретическом, фундаментальном, но и прикладном, образовательном-вузовском и региональном измерениях).

Обратимся к двум замечательным статьям М.К. Петрова, написанным в 1971 г., т.е. на границе, отделяющей долгую временную полосу примерно в семнадцать лет, которую М.К. Петрову предстояло пройти после первого года «свободы» от университета и преподавания, от оставшегося за спиной десятилетия, также начавшегося бурными и решительными событиями «выпадения» из строгой научно-академической сферы в 1959 г. и последовавшей за этим радикальной политической манифестации (повесть «Экзамен не состоялся»)¹. Статьи эти при всей их внутренней взаимосвязи четко отразили *философско-наукоеведческое* и *философско-культурологическое* направления в развитии философской мысли М.К. Петрова. Вместе с тем они представляют собою и очень значимое свидетельство о методологии ученого и его исторической концепции (в том числе и в стартовой монографии «Социальные основы самосознания и научного творчества»).

Я имею в виду статью «Человек и культура в научно-технической революции» и статью «Трансляционно-трансмутационное отношение – знаковая универсалия механизмов исторического развития». Первая² была опубликована в «Вопросах философии» в 1990 г.³, вторая – в недавних материалах двадцать шестых «Петровских чтений»⁴, правда, ее основное содержание – под названием «Типология и знаковые

¹ Одна из лучших характеристик М.К.Петрова как личности, ярко проявившаяся в двух критических эпизодах жизни, связанных с созданием повести «Экзамен не состоялся» и дискуссионной статьи для «Вопросов философии» по методологии истории философии и стремлением сделать публичным выраженное в его трудах мнение, дана Ю.Р.Гипченко: «М.К. Петров не был антисоветчиком, не был диссидентом, не мечтал оказаться на Западе. Его противостояние власти и миру было более значительным. Это была позиция человека культуры, фундаментально-нравственная по своей сути, ибо ему не нужно было примиряться к нормам и правилам, выбирать между ними, он знал, чего делать нельзя. Чудовищному режиму, олицетворением которого является Сталин, не удалось сломить человека и его душу до конца. М.К. Петров принадлежит к числу тех людей, усилиями которых культура не только живет, залечивает былые раны, но и обретает новые состояния, пока жив творец – человек» (2,152, 113).

² А точнее – *лишь ее первая часть*. См. об этом у С.С. Неретиной: «Статья написана в 1971 г. и делится надвое. В первой, публикуемой, части изложены принципы освоения форм, в которых осуществляется трансляция «вечно-живой» социальности в условиях НТП...».

³ Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990, № 5. – С.21.

⁴ М.К. Петров Трансляционно-трансмутационное отношение – знаковая универсалия механизмов исторического развития // Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова (XXVI-е «Петровские чтения»): Материалы Международной научной конференции / Под ред. проф. А.Н. Ерыгина. – Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2013. – С. 12-28.

универсалии механизмов исторического развития культуры» – уже увидело свет в качестве первой главы первого раздела в составе книги «Социально-культурные основания развития современной науки», изданной под редакцией В.Н. Садовского (рецензенты Э.М. Мирский, Б.Г. Юдин) в 1992 г.⁵. Следует сказать, что эта книга оказалась очень удачным соединением раздела «На пути к науке», собравшего четыре самостоятельные статьи, включая нас интересующую (идушую, как уже сказано, первой), и второго раздела «Наука и образование в современной общественной системе», представляющего наполовину сокращенную при подготовке к изданию⁶ *рукопись последней авторской завершенной работы М.К. Петрова* «Теоретические основы научной и академической политики (Прологомены)». Иными словами, случилось так, что под одной обложкой оказались монография и четыре статьи, а хронологически *текст предстал как сборник*, начинающийся 1971 г. и заканчивающийся 1986 г., т.е. в некотором смысле *реальная антология* «всего» М.К. Петрова 70-80-х гг.).

Социокультурный интерьер современного образования и науки. Первая статья (о человеке и культуре в эпоху НТР) содержательно очень плотная. Она включает: 1) общий взгляд на историю и культуру: «Историю всегда и во всех очагах культуры творили люди»⁷; 2) четкий опознавательный знак в отношении европейской истории: «История европейского очага культуры от Одиссея до наших дней особенно богата ... ноломными ситуациями как в области производства, так и в области политики и в области духовной жизни»⁸; 3) привлечение внимания к вопросу «*Что же такое знание?*», ибо «не нужно быть Гарвеем современности, чтобы понять, что накопление, движение, перемещение, эксплуатация знания образуют большие и малые круги кровообращения научно-технической революции»⁹; 4) тему «Локальность и тип культуры», позволяющую осознать значимость вопроса о препятствиях в трансплантации науки на неевропейские формы, а это высвечивает вообще «различия т.н. „культурных типов“ по способу хранения, накопления и трансляции социально-необходимого знания»¹⁰; 5) «обоснование необходимости социокодов» как условия выживания людей и их специфики в разных культурах; 6) проведение четкого различия профессионально-именного и универсального способов кодирования, «европейского и неевропейского»¹¹; 7) показ «тупиков и перспектив» современного мира культуры и образования, движущегося в рамках научно-технической революции¹².

Образование и наука, разумеется, обладают не только внешне-историческими, фоновыми, контекстуальными формами выразительности и определенности для современного общества и культуры и, с другой стороны, собственными, внутренними, предполагающими известную автономию и специфику интерьерами, тщательно выписанными М.К. Петровым. Не вдаваясь в детали и подробности и фона, и этой их специфики, зафиксируем внимание на *инного рода интерьере*, возникающем для мысли при ее взгляде на общество со стороны пронизывающей и наполняющей его *культуры*. Для средневековья это была *христианская культура*.

⁵ Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М.: Наука, 1992. – С.15-33.

⁶ Говорю об этом после изучения в архиве Гали Дмитриевны Петровой полной рукописи «Прологоменов».

⁷ Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990, № 5.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

¹¹ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. – С.85-89.

¹² Характеристика этой опубликованной части статьи у С.С. Неретиной такова: «Историческая ситуация НТР (или все-таки «НТП», как у нее в тексте – А.Е.), – считает она, – «придала современной мысли особую эсхологическую направленность человека на решение «последних вопросов». Знание, представленное в двух формах существования (как деятельность и как знак), рассматривается как особая реальность, не отражающая, а превосходящая мир материальных ценностей. Такое глубинное познавательное превозможение и дает основания для будущего духовного преобразования мира. Впрочем, это основной вопрос статьи, и поэтому представим читателю самому идти за автором».

Современная эпоха, истоки которой уходят в новое время Западной Европы, – это, согласно М.К.Петрову, эпоха *научно-технической революции*, коренным образом меняющей основные ориентиры современного социокультурного интерьера в отношении обеспечения преемственности (наследование, «трансляция») и в практике социальных изменений (обновление, «трансмутация»). В XIX в. и система образования, ответственная за трансляцию культуры, и наука, вступившая в роль института социального обновления, вошли важнейшей составляющей в процесс «обмирщения», «объективации» и «овеществления» с соответствующим ситуации дистанцированием от «духовной» инстанции общества, представленной церковью, а с тем вместе и от все еще *духовного* центра в интеллектуальной сфере (в университетской среде) и в тогдашней, правда, уже быстро теряющей «трансцендентные» ориентиры европейской культуре.

Это был также момент в истории европейской культурной традиции, когда обнаружилась та прагматическая «истина», что «опытная наука, – согласно М.К. Петрову, – оказалась несравненно более эффективным орудием обновления социальных структур, чем соответствующие социальные институты в других культурах»¹³, не говоря уже об относительно статично-стабильной и совершенно «спокойной» (разумеется, при взгляде на эту эпоху из XX века) в отношении к практической, материально-производственной сфере общественной жизни в европейские «средние века». Куда более развитым был Восток: сегодня считается, что вплоть до восстания тайпинов в Китае его экономика была первой среди экономик мира, даже в сравнении с Англией, переживавшей уже почти столетие промышленную революцию.

Обновляющий эффект научного познания коснулся, прежде всего, сферы материального производства, но с другой стороны – и сферы образования, что вело к наращиванию потенциала познавательной культуры подрастающего поколения в Западной Европе, а в итоге – к появлению «онаученного общества», которое в этом аспекте представляет, по Петрову, «**способ жизни** разумных, научно-грамотных существ, людей-творцов»¹⁴. Видимо, этот образ социокультурного интерьера современной науки и образования позволил А.П. Огурцову обратить внимание на «модель тезаурусного континуума в развитых обществах» М.К. Петрова и построение им «двух моделей – экстенсивного и интенсивного онаучивания общества на базе тезаурусной динамики и перестройки системы образования»¹⁵. Но стоит сказать, что еще до введения модели тезаурусной динамики он опирался в анализе науки и характеристике образования на «гипотетический общий закон распределений», названный им «законом кристаллизации» – «закон существования науки в иерархических матрицах частотно-рангового распределения»¹⁶. В этой точке – в обнажении места для *творческого* характера, автономии и свободы субъекта-носителя исследовательских потенций и поисковой активности в процессе становления ученого – наука и образование пересекаются. Причем, важна в этом их смыкании и объективно-реальная его основа – многообразные *миграционные* процессы, подчиненные действию закона кристаллизации (например, в формулировке Г. Ципфа), вносящие поправки в действие другого закона – сохранения и воспроизводства, инерции и стабильности¹⁷.

Переходя ко второй, «культурологической» статье 1971 г., считаем целесообразным представить тему и содержание, категориальный аппарат и основные ходы мысли М.К. Петрова в двух контекстах – философско-научно-исследовательском и философско-культурологическом, концентрируя при этом особенное внимание на философской методологии.

Из 1971 в 1966: науковедческие истоки философии культуры. Статья М.К. Петрова «Трансляционно-трансмутационное отношение – знаковая универсалия

¹³ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. – С.21.

¹⁴ Там же. С.183.

¹⁵ Огурцов А.П. Наука и образование в перспективе тезаурусной динамики (М.К. Петров как философ науки) Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009, №3 // <http://politconcepts.fedu.ru>

¹⁶ Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. – М.: РОССПЭН, 2006. – С.103.

¹⁷ Дидык М.А., Ерыгин А.Н., Мурадян О.А. Россия и модернизация в концепции «онаучивания общества» М.К. Петрова / науч.ред. М.А. Маслин. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. – С.67.

механизмов исторического развития», возвращает нас из 2011 г.¹⁸ в далекий 1971 г. – год XXIV съезда КПСС, которому предстояло бы – не случись уход со сцены политической жизни в СССР Н.С.Хрущева – подводить итоги первого десятилетия на пути к осуществлению Программы построения коммунизма, благополучно «заваленной» к этому времени по всем основным параметрам. Но в руководстве страной существовало и прагматическое крыло, стремившееся в опоре на науку и научно-технические достижения решать реальные задачи укрепления экономики и усиления военного потенциала. Сами же ученые прекрасно понимали принципиальную амбивалентность собственной деятельности, которая действительно мощно определяла позиции страны в соревновании с «миром империализма» и «военной гонке», но также неизбежно подготавливала и в СССР некий общенаучный стандарт демократического поведения и гуманистических ориентаций, открывавший надежды на преобразования совсем иного рода, чем коммунистическая программа. Правда, в среде ученых и мыслителей был и *третий, весьма тонкий слой из числа тех, кто не только к марксизму не принадлежал, но при этом был в состоянии представить и свое собственное теоретическое мировоззрение, и свою собственную философию.*

В 1966 г. в кандидатской диссертации, защищенной в Ростове-на-Дону в феврале следующего года, опальный (исключенный из партии «за написание немарксистской рукописи»¹⁹) философ Михаил Константинович Петров представил «общие контуры социального мира», из которого не только предполагалось изгнать «некомпетентное использование науки», исключить саму «возможность катастрофического приложения достижений науки», но и построить «цивилизацию свободы и защиты от дурака»²⁰. Этот вывод венчал большое и яркое исследование возникновения и значения «науки о науке» в Европе и Америке, а также рассмотрение условий и законов «естественного» существования самой науки, а с другой стороны – этапов ее развития и ее будущего.

В статье 1968 г. «Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции» М.К. Петров обобщенно представляя разработанную в диссертации модель «шагового перехода (иерархии отборов)» применительно к современной ему ситуации в науке и обществе, предложил «схему организации науки», в которой реализована «попытка найти опору не в стабилизации какого-то избранного положения, а в миграции, в сломе возникающих связей», из которых складываются основные действия в системе шагового перехода. Невнимание к этой самой принципиальной, на его взгляд стороне дела, связано «с отсутствием философской санкции беспорядка»²¹. М.К. Петров писал об этом тогда, когда синергетика только-только складывалась, а философское осмысление ее реальных проблем и результатов еще не состоялось.

Близость идей М.К. Петрова к синергетике ощущала Г.И. Кужелева. Еще в 2002 г. на ростовском философском конгрессе она выступила по теме «Системная открытость науки как фактор глобализации», где утверждала следующее: 1) «Синергетика, будучи наукой о взаимодействии в самоорганизующихся системах, выявила, что способные к эволюции системы в режиме самоорганизации обладают качествами нестабильности, диссипативности и открытости» (тезис 1), 2) «О системной открытости науки, вносящей в мир человека явления нестабильности и неравновесности, писал ... М.К. Петров (См. разделы о нестабильности в работе «Человек и наука» ... с.192-212)»²². Что касается оценки работы «Человек и наука» Г.И. Кужелевой, то нельзя с ней не согласиться. Однако обидно, что ею не была замечена под одной обложкой с указанной статьей Петрова опублико-

¹⁸ Времени написания этого текста в качестве вступительной статьи к задуманной тогда вместе с Гали Дмитриевной автономной публикацией этой статьи М.К. Петрова.

¹⁹ Речь идет о повести «Экзамен не состоялся» Петров М.К. Экзамен не состоялся. – Публ. Г.Д. Петровой // Дон, 1989, № 6 (с.118-135), № 7.

²⁰ Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. – М.: РОССПЭН, 2006. – С.155.

²¹ Петров М.К. Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции // Вопросы философии. 1968, № 10.

²² См. также значимые констатации в отношении работы М.К. Петрова «Человек и наука», сделанные М.А. Дидык в ее разделе в составе совместной статьи М.А. Дидык, А.Н. Ерыгина и О.А. Мурадьян.

ванная монография («Социальные основы самосознания и научного творчества»), содержащая *методологический раздел*, освещающий подробно интересующую ее тему – и не только со стороны «нестабильности» (имеется в виду указание и прорыв в область действия миграционных сил).

Но вернемся в 1971 г. Читая представленную выше «культурологическую» статью 1971 г., мы снова погружаемся в это глубоко осознанное и категориально осмысленное представление М.К. Петрова о противостоянии друг другу порядка и беспорядка, организации и миграции, стабильности и нестабильности, репродукции и творчества, запретов на творчество и запрета на плагиат, вытекающее из его философии науки.

О философии науки М.К. Петрова писали в разное время В.Н. Дубровин и Ю.Р. Тищенко, А.П. Огурцов, Э.М. Мирский, Л.М. Косарева, С.С. Неретина, В.С. Степин, И.Т. Касавин, И.С. Дмитриев, В.П. Макаренко. В 2010 г. в Ростове-на-Дону была защищена диссертация О.А. Мурадяна «Философия науки М.К. Петрова». В указанной кандидатской диссертации и других опубликованных работах О.А. Мурадяна утверждается, что уже к концу 60-х гг. М.К. Петровым был заложен фундамент собственной философии науки, оказавшейся не только первым опытом *философской рефлексии* над основным массивом идей «науки о науке» (впервые этот термин был употреблен, как ею установлено, в работе С.Н. Булгакова «Философия хозяйства»), но и определенной *философской концепцией* самой науки²³.

Она включала системную и историческую идеи «матричного» понимания науки и общества, идею «нестабильности» современного «онаученного» общества и «шаговую» модель его функционирования, социокультурное и лингвокультурологическое объяснение происхождения и роли науки. В этой перспективе М.К. Петров и представлял как возможность *творчества и свободы в реальной социальности современного типа, так и, с другой стороны*, понимание истоков движения «науки о науке», возводившейся им к кантовской «развилке» в истории европейской мысли. «Основная концепция М.К. Петрова как философа науки и науковеда, согласно О.А. Мурадяна, – его **концепция сциентизации или «онаучивания» общества**, понимаемого ..., в широком и узком смыслах. «Онаучивание» общества в широком смысле – переход мирового процесса социокультурного развития от традиционного состояния *без науки* в качественно новое состояние – *с наукой* в составе социальной структуры. Модернизация этого общества меняет характер науки в нем, делая и ее современной, что и порождает *процесс сциентизации или «онаучивания» самого «современного» общества* в ходе НТР, причем как в сфере производства, так и в сфере образования. Первичное «онаучивание» общества в европейской культурной традиции включает в его состав элитную, «малую» науку, значимую лишь в мировоззренческом смысле (возникновение науки в новое время осмысливается М.К.Петровым на основе двух моделей – *матричной*, изложенной в диссертации «Философские проблемы “науки о науке”», и *дисциплинарной*, представленной в работе «Язык, знак, культура»)²⁴.

Взгляд на культуру из интерьерасовременного образования и науки.

Перейдем теперь к философско-культурологическому аспекту нашего рассмотрения. Методологическое кредо М.К. Петрова о диалектике порядка и беспорядка, организации и миграции, стабильности и нестабильности, репродукции и творчества следует представлять как опосредованное важными новаторскими достижениями «исторической культурологии»²⁵, созданной им почти одновременно с «философским науковедением»²⁶, в центре которой – история *европейской культурной традиции*, вырастающей как из функционирования во времени ритуализированных штампов-образцов «доолимпийско-

²³ Мурадяна О.А. Философия науки М.К. Петрова. Автореферат дисс. На соиск. Уч. Степ. Канд. Филос. Н. – Ростов-на-Дону, 2010. – С.7.

²⁴ Дидык М.А., Ерыгин А.Н., Мурадяна О.А. Россия и модернизация в концепции «онаучивания общества» М.К. Петрова / науч.ред. М.А. Маслин. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012. – С.127-205.

²⁵ Ерыгин А.Н. Историческая культурология: «сумасшедшая гипотеза» и «тихая» революция // ЕССЕ НОМО (Памяти Э.Г.Алавердова). Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ Логос, 2002. – С.29-44.

²⁶ Ерыгин А.Н. Философия античности в контексте философско-науковедения. – Восточнохристианская цивилизация: философия, культура. ЕН АРХН: 2005: 5 // Философское и культурологическое русское издание. Вып. 14. – Ростов-на-Дону: Изд-во «ЦВВР», 2008. – С.170-174.

го» времени, так и цивилизационных достижений Крито-Микенского общества с его «олимпийским» мифологическим основанием, не говоря уже о «пиратской» стихии и дезорганизованности гомеровских «людей-государств». Путь этой культуры – от первобытного танца и олимпийского мифа через пиратскую полисную социальность, эпоху эллинистических монархий и «священной» (христианской Римской империи) к науке и образованию современного типа.

Но приглядимся к самой статье М.К. Петрова. В ее заключительной части М.К. Петров отчетливо показывает новизну предложенного им понимания роли трансляционно-трансмутационного отношения как решающей знаковой универсалии в объяснениях истории: «Сравнение с другими типами культуры по единому основанию **этой универсалии** (выделено мною – А.Е.) позволяет выявить и формализовать проблематику, которая не привлекала прежде внимания»²⁷.

Мы не случайно воспользовались при акцентации внимания на феномене наследственной профессии у М.К. Петрова терминологией его философско-научно-исследовательской диссертации. Как отмечает М.А. Дидык, не только сама диссертация, но и относящаяся ко времени ее написания большая статья-брошюра М.К. Петрова «Человек и наука»²⁸ «содержит важные указания по поводу освоения в истории мысли **идеи психологических и языковых типов** (в противовес общепринятой тогда в советской философии теории общественных формаций)»²⁹. Имеются в виду: Леви-Брюль, Сэпир, Уорф, Корнфорд, Томсон. В «Социальных основах самосознания и научного творчества» представлен другой список: Гумбольдт, Ницше, Мид, Бенедикт, Херскович, Сепир, Уорф – в американской этнографии и лингвистике. Есть у М.К. Петрова упоминание имен Уайта и Ясперса, но к авторитетам, представляющим теорию локальных цивилизаций, он не обращается.

Вообще читатель может воспринять статью М.К. Петрова как своего рода мощный демарш универсализма против господства всякого рода спецификаций: «...Типологический крен современных исследований требует компенсирующих усилий по выявлению универсалий общности человеческого рода, как они обнаруживаются в социальности, в умении «жить сообща», сообща творить историю»³⁰. Несомненно, это – *главная мысль, главный запал* статьи. Но стоит осмотреться в историческом предполье 1971 г. – и мы увидим, что аналогичное намерение М.К. Петров уже высказывал в 1967 г. Во введении своей первой обобщающей книги он записал: «Чтобы связать наличный весьма пестрый материал, который вскрыт самим ходом научно-технической революции как разнообразие типов культуры и, соответственно, разнообразие реакций на европейскую культуру, нам нужны универсальные основания для классификации и сравнения различных культур»³¹. Решается поставленная задача очень четко.

Во-первых, М.К.Петров выделяет по линии универсалий **основание целостности**, которое рассматривается как устойчивая, «инерционная, стабилизирующая сторона культуры, составляющая налаженный ритуал»³². Само это основание выделяется и характеризуется двояким образом. Сначала берется простая схема **«Потребность – ритуал»** (что и как производится), в рамках которой уместается все основное содержание жизни общества, обеспечивающей его воспроизводство. Причем, момент всеобщности-целостности сохраняется за потребностью, тогда как ритуал представляется всякий

²⁷ Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М.: Наука, 1992. – С.32.

²⁸ М.А. Дидык датирует ее 1966 годом, что вытекает из списка цитируемой литературы, тогда как издатели этой работы В.Н.Дубровин, Ю.Р.Тищенко и Б.Г.Юдин называют 1965 год, что, с другой стороны, вполне согласуется со временем перевода М.К.Петровым сборника «Наука о науке» и, видимо, отправки его в издательство.

²⁹ Ерыгин А.Н., Дидык М.А., Мурадян О.А. Россия и модернизация: об основах и генезисе концепции «онаучивания общества» // Вестник РМИОН, 2011; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2011. – С.49.

³⁰ М.К. Петров Трансляционно-трансмутационное отношение – знаковая универсалия механизмов исторического развития// Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова (XXVI-е «Петровские чтения»): Материалы Международной научной конференции / Под ред. проф. А.Н. Ерыгина. – Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2013. – С.16.

³¹ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1992. – С.9.

³² Там же.

раз хоть и совокупностью, но совокупностью расчлененной, частичной (разделение труда). Второй шаг – выяснение **способа, которым человек включен в определенность ритуала** (идея «ключа» культуры).

Эта «ключевая» специфика, по Петрову, прежде всего, семиотического характера и в ней различаются, во-первых, *именной* (начальный) и, во-вторых, *универсально-понятийный* (европейский) способы включения человека в ритуал через культуру. Во-вторых, он представляет по этой же линии такое «основание классификации и сравнения культур», как **способ обновления ритуала**. Ведь «матрица имен в функции ключа – считает М.К. Петров – выделяет только моменты устойчивости, инерции, не объясняя движения этой устойчивости, эволюционного или революционного развития ритуала. Недостаточность такого подхода очевидна: целостность и замкнутость системы вскрывают лишь ее кибернетическую характеристику гомеостазисного, неизменного типа, тогда как необходимость приспособления к меняющимся условиям среды, идет ли речь о пассивной или активной форме такого приспособления, остается в силе и для социальной структуры. Долговременное преемственное существование без нарушений целостности в меняющихся условиях среды было бы невозможно без накопления нового качества и избыточного дренажа. Здесь мы выходим ко второму универсальному основанию классификации и сравнения культур – к анализу **способов обновления ритуала**»³³. Таким образом, стоит заменить два названных выше основания универсальности (целостности и обновления ритуала) трансляцией и трансмутацией – и мы оказываемся в новом и особенном мире 1971 г.

Важные терминологические изменения обнаруживаются на рубеже 60-х и 70-х и в интерпретации М.К. Петровым основных идей системного подхода и его соотношения с миграционной идеей. Давая, например, определению системному подходу в своих работах осени 1970 г., он предлагает понимать под ним «частный и весьма специфический способ решения исторических (таймированных по срокам) задач методом разработки альтернативных и приближающихся к абсолютным критериям совершенства (конечные цели) решений на базе эмпирического и недолговечного знания, которое можно извлечь из истории проблемообразующих объектов и представить в статистической форме распределений, матриц, тенденций»³⁴.

При этом сами системы разделяются на: 1) «организмические», которые близки «к машинно-механическим, кибернетическим, административно-организационным представлениям о функциональной целостности, в которой некоторая устойчивая и репродуктивная функция прямо или иерархически распределена на некотором конечном множестве субъектов деятельности». Именно этот «репродуктивный каркас общественного бытия ... обеспечивает воспроизводство социума как целостности»; 2) на «популяционные», где «лаг динамичен» и которые «не представляют из себя, судя по распределению продуктивности, организованного функционального, не могут рассматриваться как несущие свою частную функцию детали единого, однозначно определенного по функции механизма»³⁵. Нужно также добавить важное различие а) «кумулятивных популяционных систем», характерных для естественно-научного познания, и б) кумулирующих и практикующих селекцию и дренаж популяционных систем, построенных на основе схем шагового перехода. Первые Петров называет однофилтрованными, вторые – двухфилтрованными.

Отказался ли М.К. Петров (в терминологическом плане) от понятия «миграционная способность» и от соответствующей методологии? Не отказался. Но нельзя не отметить, что неудача с публикацией рукописи «Миграционная способность и научная публикация» (в двух последовательных вариантах – 1967 г. и 1968 г.), а главное – «Социальных основ самосознания и научного творчества» дала отхлынуть этой волне до лучших времен. Но эта новационная тема явно получила свое продолжение.

³³ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1992. – С.13.

³⁴ Петров М.К. Системный подход к организации регионального научного центра. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009. – С.16.

³⁵ Там же. С.19-21.

В настоящее время к теме миграции как истоку креативности познания привлечено внимание в работах И.Т. Касавина. Еще в 1997 г. он утверждал: «Моя рабочая гипотеза состоит в том, что реальная миграция человеческих популяций запустила эволюционный механизм, приведший к возникновению кроманьонца... Тем самым творчество может быть понято как «повторение миграции», т.е. прошедший многообразные трансформации процесс реальной миграции, а образ миграции становится «инобытием», т.е. метафорой творческого процесса»³⁶. И хотя тема миграционных процессов в данном значении слова занимала и М.К. Петрова, но аспект, характерный для его работ второй половины 60-х гг., этим значением термина далеко не исчерпывается.

Возьмем, например, его понимание научно-технической революции, вышедшей, по М.К. Петрову, на самый первый план современности. НТР, отмечает ученый, – «настолько примелькавшийся и накопивший такое множество смысловых оттенков» термин, что теперь³⁷ «даже специалистам трудно бывает понять, о чем именно идет речь»³⁸. Выделив основное значение этого термина («совокупность прямых и опосредованных влияний института науки на все сферы общественной жизни», создающая «обновляющий, дестабилизирующий, экономический и другие эффекты приложений научного знания»), М.К. Петров называет еще четыре «более специальных и системных» его значения: 1) особый «революционный» тип обновления социальных структур; 2) изменение состава энергетического и кибернетического баланса социальной репродукции; 3) изменение способа и места существования науки, превращение ее из «малой» университетской науки в государственную «большую» науку, которая функционирует в научно-исследовательских крупных коллективах в условиях активной организационно-стимулирующей научной политики государства; 4) изменения глобальной ситуации, вызванные крайне неравномерным распределением науки в мире.

Имея в виду третий пункт, В.П. Макаренко сосредоточил внимание на «концепте научно-технической контрреволюции», отметив, что именно «государства – главные агенты научно-технической контрреволюции, поскольку заставляют науку обслуживать свои цели и защищают общество от ее обновляющего воздействия»³⁹. Но М.К. Петров говорил не о тотальном противостоянии государства и науки. Он показал принципиально значимую роль государства в становлении науки и научных сообществ, а затем и принципиальную зависимость государства от науки. Другое дело – принципиальная двойственность природы науки: как творческий процесс свободных и обладающих талантом людей, она всегда порождает момент нестабильности, хотя продукт науки, допускающий повтор-воспроизводство-тиражирование, напротив, выступает гарантом стабильности.

Конечно, природа стабильности и нестабильности, организующего эффекта государственной деятельности (с его стремлением к максимальной *закрытости* общества) и творчески-разрушительной (хотя одновременно и творчески-созидательной) деятельности ученых и науки как принципиально *открытого* социального института такова, что создает ситуацию воплощенного и непрерывно воспроизводящегося противоречия. И нетрудно увидеть здесь только общесоциальное противоречие «государственности» и «анархии». Но факты, приводимые в работах М.К. Петрова, говорят о двух эпохах: 1) нового и 2) новейшего времени – вплоть до середины XX в.) *явногосотрудничества* государства и науки. Имеется в виду, во-первых, что централизованное государство XVI–XVIII вв. постепенно приняло науку под свое покровительство, но особенно не вмешивалось в жизнь научной элиты. Во-вторых, в Европе XIX в. осуществляется институционализация науки и в производственно-технологическом (по типу лабораторий Либиха), и социально-образовательном (в духе реформ В. Фон Гумбольдта в Берлинском университете) планах.

³⁶ Касавин И.Т. Миграция и истоки креативности познания// Философия науки. Вып.3. Проблемы анализа знания. М.: ИФ РАН, 1997. – С.193.

³⁷ Имеется в виду 1969 г.

³⁸ Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. – С.23.

³⁹ Там же. С.135.

И только в середине XX в. *ситуация в корне меняется*: наука – пишет М.К. Петров, – живет новым способом сравнительно недавно, со времен второй мировой войны»⁴⁰. Но эта новая ситуация создала – и создала впервые – настоящей **эффектзаорганизованной науки**, т.е. науки не в «естественных» условиях своего существования, а в условиях той социальности, которая (правда, в критической ситуации) ее насильственно «организует» в качестве мощной централизованной государственной власти, будь то социалистической советской, или фашистской немецкой, или демократической западной.

Однако, «контрреволюционная» в отношении науки атмосфера, соединенная с вынужденной для государства опорой на науку в соревновании социализма, фашизма и демократии, порождает реальное сращение революционности и контрреволюционности и для общества, и для самой науки, а для философии благоприятна в одном чрезвычайно важном отношении. А именно: в отношении опредмечивания на социально-практическом уровне **реального противостояния репродукции и творчества**, стремления к **стабильности и к обновлению**. В рамках такого опредмечивания и соответствующего понимания, допускающего в ученой и философской, а отчасти и в управленческой среде, реальное документированное изучение и анализ названной первоклеточки современного онаученного общества, ориентированного на предельную заорганизованность науки в его составе, оказывается возможным **уникальный прорыв человека к самому себе**.

Я имею в виду то, о чем М.К. Петров говорит в следующих словах: «В рамках этого понимания ставятся и философские проблемы специфики творчества, соотношения гласности и организации: научная политика – **первая, по сути дела, попытка** (выделено мною. – А.Е.) активного вмешательства в тонкие процессы творчества, что создает фактологическую базу и для анализа творчества, и для анализа природы организации»⁴¹. Здесь и пересекаются два фундаментальных по значимости направления философских исследований М.К. Петрова – его анализ **творчества**, включая совершенно новую для человечества область «**онаучивания общества**» в качестве реальной основы современного общественного и научно-технического прогресса, и анализ разнообразных **миграционных процессов** в составе бытия (в том числе в составе социально-исторического и знаково-культурного развития) и познания.

Явление, наблюдение за которым привело М.К. Петрова к идее существования в вещах (в реальности), а также в сфере культуры и познания некоей особенной характеристики, названной им «миграционной способностью», было обнаружено в 1949 г. формулированием закона, который «устанавливает количественно-ранговое соответствие между словарем связного текста и его длиной, выраженной количеством словоупотреблений. Позже, в науковедении главным образом, выяснилось, что закон Ципфа имеет силу для любых видов трансмутационного общения»⁴². Любопытно, что именно в это время М.К.Петров закончил обучение в Военном институте иностранных языков и приступил к преподаванию греческого языка в этом же институте, вместе с тем активно изучая литературу и занимаясь (речь идет о 50-х гг.) конкретными и теоретическими проблемами не только лингвистики, но и совершенно новых областей научного исследования – кибернетики, машинного перевода, структурной семиотики, теории коммуникации, а впоследствии и науковедения.

Как бы то ни было, но уже в «Античной культуре», созданной летом 1966 г. (примерно в то же время, когда писалась и его философско-науковедческая диссертация), говоря о «миграциях населения», М.К. Петров утверждал, что в этих процессах «выполняется элементарный закон: произведение числа жителей на количество городов с этим числом жителей для данной структуры величина постоянная»⁴³. Но по этой же схеме он объясняет и традиционный процесс так называемого классового образования: «Связанная неотчуждаемостью земельных наделов и родовой нормой наследования, стихийная кристаллизация могла идти лишь как перераспределение способных мигрировать сущностей

⁴⁰ Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. – С.5, 24.

⁴¹ Там же. С.25.

⁴² Петров М.К. Язык, знак, культура». М.: Наука, 1991. – С.58.

⁴³ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. – С.6, 147.

(рабов, скота, орудий, обязательств) по территориальному и кровнородственным основаниям, т. Е., с одной стороны, интегрировала территорию в замкнутую целостность, в область своего стихийного проявления, а с другой – выстраивала ранговые иерархии людей-государств и родов по объему собственности на отчуждаемые объекты... Процесс такого расселения единиц собственности подчинен универсальному, действующему и в наше время закону стихийной кристаллизации формы (закону Ципфа)⁴⁴.

Универсальный характер *закона рангового распределения* специально подчеркивается в «Социальных основах самосознания и научного творчества»: «В этой общей форме закон рангового распределения управляет в наше время миграционными потоками в самых различных областях. Стоит, например, представить статьи «населением», а журнал – «страной», как авторы тут же «законно» выстраиваются по ранжиру на правах статейных «городов». Тем же способом стихийно выстраивает свою форму, «кристаллизуется» всё, способное мигрировать – менять хозяина, переходить из рук в руки, из структуры в структуру и т. п. Даже частота употребления распределяется по словарю, как это показано Ципфом для современных и древних авторов, в строгом соответствии с рангом слова⁴⁵. Здесь же появляется и сам **термин** «миграционная способность».

Здесь же выдвигается **гипотеза об универсальной миграционной природе** движения и развития целостностей. «Факты... заставляют предположить, что способность к миграции, к выходу из одних системных связей и к активному участию в строительстве других – неустранимое свойство целостностей на любом уровне организации. Возвращаясь к схеме Аристотеля, мы получили бы такую картину, когда в материальном начале, которое мыслилось Аристотелем как опора для множества возможностей, сами эти возможности обрели бы самостоятельное бытие, превращая материю не в «начало», а в конечный результат, в частный продукт собственной деятельности. Отсюда и общее смещение ценностных характеристик, их глубокий дуализм, распад на ценности количеств и ценности качества. Организация, например, оказывается высшей ценностью количества и в предельном случае, когда полностью снят выбор и уничтожена миграционная способность, организация дает поток идентичных в качественном отношении продуктов-близнецов⁴⁶».

Миграционная модель М.К. Петрова, представляющая, скорее всего, лингвистически-математизированный вариант той новой методологии, которая в математически-физикалистской форме вошла в современное сознание как *синергетика*, в ее применении к познанию социальной реальности и в частности – современных модернизационных процессов и «онаучивания» современных обществ.

Список литературы

1. Петров М.К. Экзамен не состоялся. – Публ. Г.Д.Петровой // Дон, 1989, № 6 (с.118-135), № 7.
2. Тищенко Ю.Р. Два эпизода из жизни М.К. Петрова //Философское и культурологическое осмысление: феномен восточно-христианской цивилизации. Выпуск 2. ЕНАРХН: 2003:2/ Серия «Восток-Запад-Россия». – Ростов-на-Дону, Изд-во ЦВВР, 2003.
3. Петров М.К. Человек и культура в научно-технической революции // Вопросы философии. 1990, № 5.
4. М.К. Петров Трансляционно-трансмутационное отношение – знаковая универсалия механизмов исторического развития// Проблемы и дискуссии в философии России второй половины XX века: идеи М.К. Петрова (XXVI-е «Петровские чтения»): Материалы Международной научной конференции / Под ред. проф. А.Н. Ерыгина. – Ростов н/Д: Донское книжное издательство, 2013. – С. 12-28.
5. Петров М.К. Социально-культурные основания развития современной науки. – М.: Наука, 1992.
6. Неретина С.С. Личность через схематизмы культуры // Вопросы философии. 1990. № 5.

⁴⁴ Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997. – С.149.

⁴⁵ Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1992. – С.78.

⁴⁶ Там же. С.156-157.

7. Огурцов А.П. Наука и образование в перспективе тезаурусной динамики (М.К. Петров как философ науки) Политическая концептология: журнал междисциплинарных исследований. 2009, №3 // <http://politconcepts.fedu.ru>
8. Петров М.К. Философские проблемы «науки о науке». Предмет социологии науки. – М.: РОССПЭН, 2006.
9. Дидык М.А., Ерыгин А.Н., Мурадьян О.А. Россия и модернизация в концепции «онаучивания общества» М.К. Петрова / науч.ред. М.А. Маслин. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2012.
10. Петров М.К. Некоторые проблемы организации науки в эпоху научно-технической революции // Вопросы философии. 1968, № 10.
11. Кужелева Г.И. Системная открытость науки как фактор глобализации // Модели онаучивания общества М.К. Петрова // Гуманитарные и социальные науки, 2010, №2. История древней и средневековой философии, история философии Нового и новейшего времени, Русская философия, философия Востока, философия культуры, этика, эстетика. Коллоквиумы. Круглые столы. Ростов-на-Дону, 2002.
12. Ерыгин А.Н., Дидык М.А., Мурадьян О.А. Россия и модернизация: об основах и генезисе концепции «онаучивания общества» // Вестник РМИОН, 2011; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону: изд-во ЮФУ, 2011.
13. Мурадьян О.А. Философия науки М.К. Петрова. Автореферат дисс. На соиск. Уч. Степ. Канд. Филос. Н. – Ростов-на-Дону, 2010.
14. Ерыгин А.Н. Историческая культурология: «сумасшедшая гипотеза» и «тихая» революция // ЕССЕ НОМО (Памяти Э.Г.Алавердова). Ростов-на-Дону: Изд-во НМЦ Логос, 2002.
15. Ерыгин А.Н. Философия античности в контексте философско-наукосведения. – Восточнохристианская цивилизация: философия, культура. ЕН АРХН: 2005: 5 // Философское и культурологическое осмысление. Вып. 14. – Ростов-на-Дону: Изд-во «ЦВВР», 2008.
16. Петров М.К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост.ун-та, 1992
17. Петров М.К. Системный подход к организации регионального научного центра. – Ростов н/Д.: Изд-во СКНЦ ВШ ЮФУ, 2009.
18. Касавин И.Т. Миграция и истоки креативности познания // Философия науки. Вып.3. Проблемы анализа знания. М.: ИФ РАН, 1997.
19. Петров М.К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996.
20. Макаренко В.П. «Научно-техническая контрреволюция: идеи М.К. Петрова как источник мысли» – Ростов-на-Дону, Ростиздат, 2011.
21. Петров М.К. Язык, знак, культура». М.: Наука, 1991.
22. Петров М.К. Античная культура. М.: РОССПЭН, 1997.

M.K. PETROV: HISTORY, CULTURE, SCIENCE IN THE LANE OF 1966-1971

A.N. ERYGIN

The paper observes the working life of M.K. Petrov.

South Federal University

Key words: M.K. Petrov, philosophy, science, culture.

e-mail: ved2_phil@bsu.edu.ru